

Этнический характер и исторические судьбы России

Социальные психологи выделяют четыре наиболее часто встречающиеся формы реагирования большинства членов социальной группы в условиях кризиса: апокалипсическая реакция, идеализация докризисной эпохи, поиск главного виновника кризиса, утопические проекты быстрого выхода из кризиса.

Апокалипсическая реакция связана с тем, что переживаемый социальный кризис представляется как самый острый, болезненный; поэтому широко распространяются социальные установки типа: «хуже никогда не было», «это конец всему», «выхода нет». На самом деле, в истории страны, переживающей кризис, были ситуации значительно хуже, а главное — кризисы рано или поздно преодолевались. Апокалипсическая реакция является одним из главных источников апатии, которая затрудняет поиск действенных путей выхода из социального кризиса.

Идеализация докризисной эпохи также связана с настроением непереносимости, болезненности кризисной ситуации. Типичная реакция на трудности — некритическое отношение к периоду, предшествующему кризису. Он представляется как благополучная эпоха, как время процветания. Стабильность докризисного состояния оценивается некритически и рисуется в розовых тонах («продукты были дешевы», «медицина была бесплатной» и т. д.). Эта реакция уводит в сторону от осознания того факта, что причины социального кризиса сложились именно в условиях идеализируемой докризисной эпохи.

Поиск главного виновника кризиса, или «козла отпущения». Например, в условиях кризиса, который сейчас переживает Россия, лидеры основных социальных групп ищут главного виновника в противоположном лагере. Так, реформаторы-демократы считают, что во всем виноваты коммунисты, которые, находясь у власти 74 года, разорвали страну. Коммунисты, в свою очередь, во всем винят демократов, которые за два-три года приватизации развалили страну и «довели ее до ручки». Национал-патриоты главного виновника всех бед видят в заговоре мифических «жидомассонов», к которым относят значительную часть как коммунистов, так и демократов. Поиск «козла отпущения» мешает адекватному осознанию реальных причин социального кризиса, их преодоления и выхода из него.

Выдвижение утопических проектов — еще одна типичная реакция обыденного осознания на социальный кризис. Непереносимость трудностей, порождаемых кризисной ситуацией, обуславливает поиск быстрого выхода из нее, но этот выход критически не оценивается, не принимается во внимание его неадекватность сложной реальности. В России в кризисных ситуациях большой популярностью пользовались такие утопические проекты, как «догнать и перегнать Америку», «построить коммунизм к 1980 году», «каждой семье — отдельную квартиру» и т. п.

Чертihin Владимир Елисеевич — кандидат философских наук, профессор кафедры философии и политологии Дипломатической академии МИД РФ.

Мы не случайно назвали типичные реакции на кризисные ситуации «общечеловеческими». Они наблюдаются у любого этноса. Приблизительно так же реагировали американцы на кризис 1929 года. Подобные реакции проявлялись в китайском обществе в период культурной революции. В массовом масштабе они распространены в современной России.

Помимо общечеловеческих реакций на кризисные ситуации, существуют способы реагирования на них, присущие конкретным этносам. Этнический характер не только отражает различные исторические условия, в процессе развития которых он формируется, но и сам творит историю. Сформировавшийся этнос из множества ситуаций, которые предлагает история, выбирает наиболее привычные.

Так, американский этнос, развивавшийся в условиях функционирования одной из наиболее демократических конституций, привычно выбирает президента на четыре года. За 200 лет ни один президент не вышел из-под контроля общества; страна избежала политических режимов типа бонапартизма, гитлеровского нацизма, сталинского тоталитаризма. Этот исторический опыт убеждает американца не слишком интриговать против президента. Если последний хорошо справляется со своими обязанностями, его переизбирают еще на четыре года.

Воспитанный в духе пиитета по отношению к королевской власти, английский парламентарий-оппозиционер может ненавидеть премьер-министра из рядов партии-победительницы на выборах. Он знает, что именно этот премьер-министр написал тронную речь королю или королеве, но выслушивает речь, склонив голову, хотя внутри него кипят страсти. Самого премьер-министра, если бы тот произносил программную речь в парламенте, он, скорее всего, освистал бы, но речь короля или королевы слушает почтительно.

Иная реакция на сходные исторические ситуации у русского человека. В силу противоречивых особенностей этнического характера русский человек чаще всего выбирает либо «модель Смутного времени», либо «маятниковую модель».

Начну с *модели Смутного времени*. В наши дни этот термин стал расхожим, однако порой он употребляется как метафора. На мой взгляд, следовало бы обратить внимание на его содержательную сторону. Пожалуй, наиболее полный теоретический анализ модели Смутного времени дал В. Ключевский. На базе его теоретических изысканий можно даже вывести *формулу Смутного времени*, составляющими элементами которой будут:

- основная задача,
- основные социальные силы,
- основные действующие лица.

Описывая ситуацию классической Смуты 1598—1613 годов, Ключевский обратил внимание на то, что «Московское государство испытало страшное потрясение, поколебавшее самые глубокие его основы» [1, с. 16]. Далее он отметил, что ни пресечение династии Рюриковичей, ни появление Самозванца не могли бы сами по себе послужить достаточными причинами Смуты, что были какие-то другие условия, которые сообщили этим событиям такую разрушительную силу. «Этих настоящих причин Смуты,— считал Ключевский,— надобно искать под внешними причинами, ее вызвавшими» [1, с. 26].

Одну из таких важнейших причин Ключевский видел в смене доминирующей хозяйственной единицы — вотчины (княжеской, боярской, царской) другой основной хозяйственной единицей — дворянским поместьем. Он указал на серьезные социальные изменения, которые происходили в правящем классе России: на смену боярству пришло дворянство. Боярство — «класс, державший всякую справу в государстве, и стал разрушаться с начала Смутного времени, хотя почин в этом деле принадлежит еще Грозному. Стройные местнические роды боярства *rise* более редели... При царях Михаиале и Алексее нет уже ни князей Курбских, ни князей Холмских, ни князей Микулинских, ни князей Пенковых; скоро сойдут со сцены князья Мстиславские и Воротынские; в списке бояр и думных людей 1627 года встречаем последнего князя Шуйского... на их местах являются все люди

новых родов, о которых никто не знал или мало кто знал в XVI веке,— Стрешневы, Нарышкины, Милославские, Лопухины, Боборыкины, Языковы, Чаадаевы, Чириковы, Толстые, Хитрые и пр., а из титулованных — князья Прозоровские, Мосальские, Долгорукие, Урусевы, да из многих прежних добрых фамилий уцелели только худые колена» [1, с. 67].

Таким образом, основным содержанием Смутного времени (1598—1613 годы) был серьезный сдвиг в области общественных отношений, и прежде всего в сфере аграрных отношений, которые тогда были доминирующими. Иными словами, *основная задача Смутного времени* заключалась в смене одних социальных отношений другими, в данном случае боярско-вотчинных дворянско-помещичьими.

Вторая составляющая формулы Смутного времени — *основные социальные силы*. По мнению Ключевского, в Смуту более или менее последовательно, а иногда одновременно вступали следующие силы: боярство, столичное дворянство, провинциальное дворянство, крестьянство, казачество. Начало Смуте положило боярство, точнее, его часть, которая **раньше всех** почувствовала недостаточность вотчинного устройства. К боярству очень быстро присоединилось столичное дворянство, а за ним и провинциальное дворянство. Крестьянство и казачество также внесли вклад в расширение и углубление Смуты.

Каждый из этих социальных слоев выражал свое отношение к основной задаче переживаемого исторического кризиса, предлагал свое решение, свои методы реализации. Боярство стремилось сохранить привилегированное положение, выступало против неограниченной власти новых царей; столичное дворянство активно рвалось в верхние эшелоны власти и противостояло олигархическим замыслам боярской знати; рядовое провинциальное дворянство делало серьезную заявку на то, чтобы стать властителем страны; крестьянство судорожно сопротивлялось законодательному оформлению крепостничества; казачество ставило вопрос о своем социальном статусе («Разбойные люди или служивые государевы люди?»).

Анализируя соотношение основных социальных сил в ходе Смуты, Ключевский удивительно тонко отмечал переплетение социального, религиозного и национального моментов. В первые годы Смуты боярство пыталось соединить классы распадающегося общества во имя нового государственного порядка с выборным царем. Но когда выяснилось, что этот порядок не отвечает понятиям других классов, была предпринята попытка предотвратить беду с помощью самозванца Лжедмитрия I, искусственно воскресив угасшую династию, которая сдерживала вражду и примиряла интересы различных социальных сил, участвовавших в Смуте. Когда не удалась и повторная попытка (Лжедмитрий II), когда, казалось, не оставалось никакой политической связи, никакого политического интереса, во имя которого можно было бы предотвратить распад общества, оно все же не распалось: расшатался лишь государственный порядок. «Когда надломилась политическая скрепа общественного порядка,— отмечал Ключевский,— оставались еще прежние связи: национальные и религиозные; они и спасли общество. Казацкие и польские отряды, медленно, но постепенно вразумляя разоряемое ими население, заставили, наконец, враждующие классы общества соединиться не во имя какого-либо государственного порядка, а во имя национальной, религиозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали казаки и ляхи» [1, с. 47]. Иными словами, этнический характер русских с его негативными свойствами, толкающими на выбор прежде всего трудных путей, внес свою лепту в раздувание Смуты, но он же своими позитивными качествами во многом загасил ее.

•Третья составляющая формулы Смутного времени — *основные действующие лица*. Они интересуют нас не как конкретные индивиды, а как исторические типы со своим пониманием, своей трактовкой основной задачи переживаемой Смуты, своей линией поведения по отношению к основным социальным силам, их устремлениям, интересам. Главные действующие лица Смуты 1598—1613 годов — царь

Борис Годунов, Лжедмитрий I, царь Василий Шуйский, первый царь династии Романовых Михаил, вступивший на престол в 1613 году.

Борис Годунов — крупная фигура Смуты, он законно «незаконный» царь, хотя и всенародно избранный, но не имевший связей с угасшей династией Рюриковичей. Во многом этим объясняется его линия поведения — компромисс, заигрывание, лавирование. Каждой социальной силе он что-нибудь дает, идет с ней на компромисс. Однако к концу царствования он никому не мил, все его кланут, каждой социальной силе кажется, что другим он дал больше, а страну вверг в хаос. Не были оценены и успехи Бориса Годунова в области внешней политики: договор с крымским ханом Гиреем о «вечном мире» (татары несколько лет не беспокоят Российское государство набегами), выгодные соглашения с Польшей и Швецией, присоединение без единого выстрела Сибири (умер хан Кучум). Смута усиливалась.

Когда бояре увидели, что их надежды на послушного выборного царя не оправдались, что новый царь собирается править так же самовластно, как правил Иван Грозный, они решили тайно действовать против него. Чувствуя недовольство бояр, Борис Годунов принял меры, чтобы оградить себя от их козней. Была создана сложная сеть полицейского надзора, где главную роль играли боярские холопы, доносившие на своих господ. Выпущенные из тюрем воры шныряли по московским улицам, подслушивали, что говорили о царе, и хватали каждого, сказавшего неосторожное слово. «Донос и клевета, — писал Ключевский, — быстро стали страшными общественными язвами: доносили друг на друга люди всех классов, даже духовные; члены семейств боялись говорить друг с другом; страшно было произнести имя царя — сыщик хватал и доставлял в застенки» [1, с. 29].

Этими мерами Борис Годунов только осложнил свое положение, стал ненавистен всем социальным слоям. В довершение широко распространился слух о Лжедмитрии: в народе начали говорить о том, что младший сын Ивана Грозного жив и собирается взойти на отеческий престол. Скорее всего, Бориса Годунова свергли бы с престола решением Земского Собора, если бы он скоростижно не скончался в 1605 году.

На смену Борису Годунову пришел Лжедмитрий I, довольно темная личность. Линия поведения Лжедмитрия проста: он щедро раздавал остатки царской казны. Первое полугодие был очень популярен. К тому же показал себя деятельным правителем, вникал во все дела, каждый день бывал в боярской думе, сам обучал ратных людей, чурался жестокости. «Своим образом действий, — писал Ключевский, — он приобрел широкую и сильную привязанность в народе, хотя в Москве кто-то подозревал и открыто обличал его самозванство» [1, с. 31].

Однако казна быстро опустела, щедрые раздачи и награды сократились, популярность в народе упала, стали обращать внимание на то, что «он нарушал обычай священной московской старины, не спал после обеда, не ходил в баню, со всеми обращался просто, обходительно, не по-царски» [1, с. 31]. Не оправдал Лжедмитрий I и ожиданий бояр, которым был нужен прежде всего для того, чтобы свалить Бориса Годунова. Он не хотел быть орудием в руках бояр, действовал слишком самостоятельно, развивал свои особые политические планы (во внешней политике смелые и широкие: надеялся поднять против турок все католические страны во главе с православной Россией).

Царь-самозванец был свергнут, и на престол вступил князь Василий Шуйский — царь-заговорщик. По словам Ключевского, это был «54-летний боярин небольшого роста, невзрачный, подслеповатый, человек неглупый, но более хитрый, нежели умный, донельзя изолгавшийся и изынтриговавшийся, прошедший огонь и воду, выдавший и плаху и не попробовавший ее только по милости Самозванца, против которого он исподтишка действовал, большой охотник до наушников и сильно побаивавшийся колдунов» [1, с. 33]. В низах Василий Шуйский популярностью не пользовался, опасался городских и провинциальных избирателей, и поэтому сам посоветовал обойтись без Земского Собора. Бояре также знали цену Василию Шуйскому, это был свой, боярский

царь, как бы символ реставрации родовитого боярства — высшей номенклатуры того времени. Его признали царем келейно немногие сторонники из большого титулованного боярства, а на Красной площади его имя прокричала толпа лично преданных ему людей, которых он втянул в заговор против Самозванца.

Царем Василием Шуйским мало кто был доволен; главные причины этого недовольства — и нелегитимный путь к престолу, и зависимость царя от бояр, его избравших и игравших им, как куклой. В 1610 году решением Земского Собора его свергли с престола и заключили в монастырь. Три года Россия жила без царя, дело дошло до того, что было принято соборное решение о приглашении на престол сына польского короля.

Затем московская партия взяла верх, и в 1613 году воцарился Михаил Романов. Смута пошла на убыль. Линия поведения Михаила Романова, точнее, его ближайшего окружения, иная, так как к началу царствования ему было всего 16 лет. Это поиск согласия между основными социальными слоями. Символично даже то, что Романов пришел к власти под стягами князя Пожарского и купца Минина, принадлежавших к разным сословиям. До Смуты князь вряд ли бы сел за один стол с купцом, а в конце Смуты они каждый вечер обсуждали планы на предстоящий день и стали неразлучными друзьями.

Таковы главные действующие лица классической Смуты. Пожалуй, не хватает еще одной типической фигуры, для характеристики которой недостаточно теоретического анализа Ключевского, а надо еще вспомнить гениальную прозорливость А. Пушкина. Это Юродивый — человек, говорящий нелюбимую правду царям.

Итак, мы заглянули в далекое прошлое, но контуры Смутного времени просматриваются и в современной России. Вроде бы другая эпоха, другой глобальный цикл, но главные элементы общества складываются по формуле Смутного времени. Изменилось ее содержание, но сама формула работает. Стране предстоит решить основную задачу нынешней Смуты — осуществить переход от доминирования общественной собственности к функционированию различных форм собственности, от сверхцентрализованного планового хозяйства к рыночной экономике.

Так же, как в годы классической Смуты, в стране идет глубокая ломка общественных отношений. К характеристике переживаемого момента можно отнести уже известные слова Ключевского о том, что происходит важная перемена и во внутреннем строе государства, «что в ней последовательно выступают все классы русского общества» [1, с. 27]. Правда, набор иной, но каждая социальная сила руководствуется своим пониманием социальной реальности и ее основной задачи. Нынешнюю Смуту начала верхушка партийно-государственного аппарата, раньше всех почувствовавшая неэффективность исчерпавшей себя административно-командной системы. Почти сразу же дальновидные круги номенклатуры поддержала столичная, а затем и провинциальная интеллигенция. Крестьянство пока спит, и неизвестно, проснется ли после устроенного ему большевиками кровопускания в период коллективизации. Но с лета 1990 года в Смуту активно включились значительные слои рабочих (шахтерские забастовки). На место казачества эпохи классической Смуты встает армия со своими проблемами, настоятельно требующими решения. Появляется новая социальная сила — национальные движения, так как Россия стала многонациональным государством. Каждая из этих социальных сил придает все большую динамичность социальным процессам.

Легко заполняется содержание и третьей составляющей формулы Смутного времени. Сошел с исторической сцены мастер компромисса, который каждой социальной силе многое обещал, пользовался значительно более высоким рейтингом за рубежом, а не внутри страны, где с подозрением смотрели на его «ревизионистские» деяния по разрушению правящей партии. Кажется, почти исчерпал свои популистские возможности «царь-самозванец», смело отменявший привилегии, созданные прежней административно-командной системой (персональные пенсии, партийные санатории, лечебные сектора, полузакрытые столо-

вые и магазины), и просмотревший эгоистические устремления новой номенклатуры, которая из черных «Волг» пересела в разноцветные «Мерседесы». За спинами реформаторов уже видны несколько кандидатов в «цари-заговорщики», в воздухе запахло временной реставрацией порядков полуразрушенной административно-командной системы.

Не ясен пока будущий «Романов», но вспомним, что Михаилу Федоровичу в начале Смуты было всего полтора года. Так что будущий «Романов», возможно, еще сидит на университетской скамье или набирается политического опыта где-нибудь в провинции на губернаторском посту. Даже Юродивых можно назвать: говорил правду правителям (часто под улюлюканье и свист их приживал) академик А. Сахаров, продолжает говорить правду правителям, наталкиваясь на злобу политиканов, С. Ковалев. Много повторяется и возвращается «на круги своя».

Даже национальный момент, который играл большую роль в период классической Смуты, в ряде случаев доминирует. После развала Советского Союза многие русские пережили тяжелую травму. Естественно, такой процесс не мог не вызвать различные реакции: радикалистские великодержавные притязания баркашовцев, более умеренные, но достаточно агрессивные проявления шовинизма жириновцев, внешне респектабельно спокойные державные притязания компартии России.

Перейдем к рассмотрению «маятниковой модели». В современной историко-философской литературе она фундаментально исследована в работах А. Ахиезера. В построении «маятниковой модели» автор отталкивается от неоспоримого факта, что «единственный синкретический нравственный идеал, который можно обнаружить в первичных клеточках древних славян,— это вечевого идеал» [2]. Его не следует идеализировать и рассматривать как синоним современных форм демократии с присущим ей плюрализмом мнений и высокой ценностью личности. Вечевого идеал постоянно нес в себе авторитаризм. На вечевого сходке, которую можно рассматривать как воплощение соборности, участвовали лишь главы семей, домохозяева, первые лица локальных миров. «Дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно сообща»,— писал известный историк К. Кавелин [3]. Принятое вечевого решение носило авторитарный характер, так как не признавало прав меньшинств на свое мнение.

Одну из особенностей дальнейшего развития вечевого идеала Ахиезер усматривает в господстве инверсионной логики, когда происходят почти мгновенные переходы от одной крайности к другой в рамках исторически сложившихся дуальных оппозиций («мы—они», «правда—кривда», «добро—зло» и т. д.). Способность к мгновенному переходу от одного полюса к другому, абсолютизация полярностей инверсионной логики приводят к твердой социальной установке, к представлению о том, что каждое явление — это оборотень — способный повернуться противоположной стороной, из «добра» стать «злом». Социальный характер («традиционный тип личности») с господствующей инверсионной логикой в основе своей архаичен, подчинен эмоциональному возбуждению как следствию накопившегося дискомфорта, вызванного объективными природными и социальными причинами. С моей точки зрения, господство инверсионной логики — следствие влияния противоречивых природно-климатических условий, народнохозяйственного быта, исторического пути русского этноса. Как показывает история России, инверсия не раз обрушивалась на отдельные слои, а то и на весь народ и приводила к весьма плачевным результатам.

Охарактеризовав противоречивость инверсионной логики как одну из особенностей менталитета русского этноса, Ахиезер детально прослеживает действие «маятника» инверсионной логики на протяжении всей истории России. Он выделяет три глобальных цикла в ее истории, основные этапы каждого цикла.

Первый глобальный цикл принимает такую форму: 1) соборность, начало и крах государственности (Киевская Русь); 2) господство умеренного авторитаризма

(от возвышения Москвы до Смутного времени); 3) господство идеала всеобщего согласия (от выхода из Смуты и до середины царствования Алексея Михайловича); 4) крайний авторитаризм (от середины царствования Алексея Михайловича до воцарения Екатерины II); 5) поздний идеал всеобщего согласия и либерализма (от воцарения Екатерины II до воцарения Николая I); 6) поздний умеренный авторитаризм (царствование Николая I); 7) соборно-либеральный идеал и новая катастрофа (от воцарения Александра II до 1917 года).

Второй глобальный цикл исторически значительно короче, но также делится на семь этапов: 1) господство соборного идеала (от февраля 1917 года до начала военного коммунизма); 2) господство раннего умеренного авторитарного идеала (военный коммунизм); 3) ранний идеал всеобщего согласия (НЭП); 4) торжество и падение крайнего авторитаризма (сталинизм); 5) идеал всеобщего согласия («оттепель»); 6) умеренный авторитаризм («застой»); 7) возврат к соборно-либеральному идеалу («перестройка»).

В первом глобальном цикле этнос пережил три общенациональные катастрофы: между первым и вторым этапами — татаро-монгольское нашествие; между вторым и третьим — Смутное время; в конце цикла — революция 1917 года. Во втором глобальном цикле удалось избежать общенациональных катастроф, хотя весь второй цикл можно рассматривать как достаточно протяженную во времени общенациональную катастрофу. В данном случае нас интересует шаг маятника между полюсами «соборность—авторитарность».

Бросается в глаза ритмическая повторяемость этапов внутри глобальных циклов. Каждый цикл начинается и завершается соборным периодом; второй, четвертый и шестой периоды — авторитарность. Четвертые периоды двух пережитых этносом глобальных циклов были периодами крайнего авторитаризма. Ритмичность периодов внутри глобальных циклов позволяет сделать вывод о ее закономерном характере. Исходя из этого, можно представить общие контуры третьего глобального цикла, в который вступила Россия (см. табл.). Разумеется, хронологические рамки каждого этапа условны, они будут приблизительно такими только в случае сохранения четырехлетнего избирательного цикла. Инверсионный маятник качнется положенное количество раз, скорее всего, его колебания пойдут по затухающей, и на четвертом этапе страна избежит крайнего авторитаризма. Можно предположить вступление страны в либеральную (западную) цивилизацию и реализацию идеала правового государства на пятом этапе глобального цикла.

Однако скоро выяснится, что современная западная цивилизация, которая многими в России оценивается как идеал правового устройства и высокого материального комфорта, имеет свои проблемы и негативные стороны. Главное же, что вызовет разочарование в либеральной цивилизации, — ее несоответствие традициям русского этноса, привыкшего на протяжении по крайней мере пяти веков жить в условиях сильной централизованной власти. На предпоследнем этапе третьего глобального цикла это вызовет негативное восприятие западной цивилизации, но уже при затухании инверсии от соборности к авторитарности. Наконец, на седьмом этапе может произойти синтез соборности и авторитарности, и тогда осуществится то, что не удавалось реализовать русскому этносу на протяжении почти целого тысячелетия. И в первом глобальном цикле, и во втором исполнительная (авторитарная) власть постоянно скатывалась в пучину дееспотизма, а законодательная (соборная) власть тяготела к анархической волюнтарности. Противоречивый этнический характер не давал возможности соборности чувство меры и осуществить синтез соборности и авторитарности. Если этого не произойдет в конце третьего цикла, то в четвертый глобальный цикл русский этнос вступит с нерешенной задачей и, как мифический Сизиф, будет продолжать бесконечную работу.

Подведем некоторые итоги. Мы исходили из фактов, установленных многими исследователями в отношении этнического характера русских, покоящегося на полярно противоположных началах. Эта полярность, обусловленная целым рядом

Глобальные циклы	1 этап Соборность	2 этап Умеренный авторитаризм	3 этап Соборность	4 этап Крайний авторитаризм	5 этап Соборность	6 этап Умеренный авторитаризм	7 этап Соборность
I 862—1917 гг.	862 г.—	Середина	1613 —ок. 1660 г.	Ок. 1660 г.—	1762—1825 гг.	1825—1854 гг.	1855—1917 гг.
	середина XIII в.	XIII в.— 1598 г.		1762 г.			
Разнообразие форм собствен- ности при доми- нировании част- ной собствен- ности	Киевская Русь до татаро-мон- гольского ига; начало и крах государствен- ности	От возвышения Москвы до Смутного времени	От выхода из Смуты до сере- дины царствова- ния Алексея Ми- хайловича; гос- подство идеала всеобщего согла- сия	От середины царствования Алексея Михай- ловича до воца- рения Екатери- ны II	От воцарения Екатерины II до восстания декабристов; идеал всеобщего согласия	Царствование Николая I	От воцарения Александра II до 1917 г.
II 1917—1991 гг.	1917—1918 гг.	1918—1922 гг.	1922—1929 гг.	1930—1953 гг.	1954—1964 гг.	1964—1985 гг.	1985—1991 гг.
Доминирование общественных форм собствен- ности (государст- венная и кол- хозно-коопера- тивная) III	Триумфальное шествие Совет- ской власти	Военный коммунизм	Новая экономичес- кая политика до года Великого пе- релома	Куль личности Сталина	Хрущевская оттепель	Застой	Возврат к собор- но-либерально- му идеалу. Пене- стройка
III 1991 г.—(?)	1991—1996 гг.	1996—2001 гг.	2001—2005 гг.	2005—2009 гг.	2010—2014 гг.	2015—2019 гг.	2020—2025 гг.
Плюрализм форм собствен- ности	Новая попытка реализации идеа- ла всеобщего со- гласия, разви- тие частной ини- циативы как ин- версионной реак- ции на запрет ее во II цикле, реформы	Инверсионная реакция против локализма идеи державности, ре- прессии против «богачей» и «спекулянтов» при сохранении частной инициа- тивы	Возврат к либе- ральному идеалу, остановка на под- ступах к право- вому государству и либеральной ци- визации	Антилиберальный взрыв в форме авторитарной реакции на усталость страны от колебаний между двумя типами цивилизаций	Вступление страны в либеральную цивилизацию. реализация идеала правового государства	Разочарование в либеральной ци- визации, про- тиворечащей традициям стра- ны	Синтез законода- тельной власти и сильной ис- полнительной власти, покоя- щейся на проч- ных конститу- ционных началах

объективных причин (природно-климатических, хозяйственно-бытовых, исторических), в свою очередь оказывает обратное воздействие на историю этноса. Именно она толкает этнос на выбор привычных ситуаций, среди которых ситуация Смутного времени встречалась достаточно часто. Модель Смутного времени позволяет многое понять в реакциях русского этноса на прошлые и настоящие события. Маятниковая модель, отражающая особенности инверсионной реакции массового сознания, колеблющейся между полюсами соборности и авторитарности, позволяет заглянуть и в будущее. Во всяком случае можно сделать вывод: отказ принимать во внимание влияние этнического характера на историческую судьбу народа только усугубляет трудности и в настоящем, и в грядущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ключевский В. О.* Соч. Т. 3. М., 1988.
2. *Ахиезер Л. С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1. М., 1992.
3. *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. М., 1989.

© В. Чертихин, 1996